

помянуть о её жизни, которые передались сыну по наследству, по рассказам матери. Как большинство ранних стихов Твардовского, «Песня» 1936 года сюжетна: взрослый сын ставит пластинку с песней, которая пробуждает память матери. Она вспоминает эту песню, картины прошлого, молодость: «Вот и вздрогнула ты, гостя. / Вижу, песню узнаёшь... / Над межой висят колосья, / Тихо в поле ходит рожь...» Тёплое, сердечное обращение к матери слышится в начале стихотворения: «Ну-ка слушай, мать родная, / Митрофановна моя» — и в конце: «Что ж ты плачешь? Песни ль жалко / Или горькой жизни той?»

Труд крестьянки тесно связан с песней, сама эта старая песня — о труде: «Как ходили на зажинки / Девки, бабы через луг...» Песня, работа в поле и материнство — главные образы стихов Твардовского о матери: «Бабы песня. Бабы дело. / Тяжелее серп в руке. / И ребёнка плач несмелый / Еле слышен вдалеке». Размеренно трудится мать, и движения её сочетаются с ритмом «бабьей песни» и, кажется, диктуют простой и ровный размер стихотворения: «В знойном поле сиротливо / День ты кланяешься, мать. / Нужно всю по горстке ниву / По былинке перебрать». Этот тяжёлый труд вспоминается матерью светло, с радостью: это её золотое время, когда она чувствовала в себе силы «кланяться» до вечера на крестьянском поле, чтобы ничего не потерять. Молодость вбирала в себя и радость материнства: «Ты присела, молодая, / Под горячую копной. / Ты забылась, напевая / Эту песню надо мной».

«Песня» Твардовского явно отсылает к Некрасовскому «В полном разгаре страда деревенская...» к образу крестьянки-матери, затерявшейся в просторах полей: «Слышится крик у соседней полосыньки. / Баба туда — растрепались косыньки, — / Надо ребёнка качать!» Но у Некрасова нет радости труда — только безысходность; его стихи о вечном терпении народа, показанного через одну «многострадальную мать».

Воспоминание матери в этом стихотворении заставляет вспомнить Ильиничну из

«Тихого Дона»: «Она увидела и себя — молодую, рослую, красивую... Вот она идёт, спешит к стану. Под ногами её шуршит, покалывает голые икры стерня, горячий ветер сушит на спине мокрую от пота, вобранную в юбку рубаху, обжигает шею. Лицо её полыхает румянцем, от прилива крови тонко звенит в ушах. Она придерживает согнутой рукою тяжёлые, тугие, налитые молоком груди и, заслышав заплёбывающийся детский плач, прибавляет шаг, на ходу расстёгивает ворот рубахи...»

Твардовский в стихотворении рассказывает простую историю: мать, слушая песню, вспоминает свою молодость, детство сына и то, о чём не расскажешь, но что передаёт простая, тягучая и печальная песня, весь смысл которой в двух словах: жизнь прошла.

Видение матери обрывается так же внезапно, как возникло: «В поле глухо, сонно, жарко. / Рожь стоит — не перестой. / ...Что ж ты плачешь? Песни ль жалко / Или горькой жизни той? / Или выросшего сына, / Что нельзя к груди прижать? / На столе поёт машина. / И молчит старуха-мать». В её молчании и заключается ответ на вопросы сына: жалко и песни, и сына, и жизни, такой долгой и такой быстрой... Только что она, молодая, работала в поле, качала ребёнка и пела ему эту песню; теперь он сам напоминает ей об этой забытой песне, вызывая воспоминания...

Последнее стихотворение цикла «Памяти матери» во многом близко «Песне» 1936 года. В обоих произведениях сюжетной основой служит воспоминание о жизни матери: в первом взят лишь эпизод её повседневной трудовой жизни, во втором более подробно представлена вся жизнь матери в её основных поворотных моментах. Эта жизнь состоит из расставаний «навек», переправ с одного берега на другой: замужество — новый этап после детства, расставание с матерью, переезд в дом мужа: «Там считалось, что прощались / Навек с матерью родной, / Если замуж выходила / Девка на берег другой»...

Прощание с родиной, переезд на чужбину — следующий этап: «Как с земли родного

края / Вдаль спровадила пора...» Этот переезд, безусловно, центральный момент в судьбе матери, узловой в жизни всей семьи поэта, отметина на всей его жизни — ссылка семьи Твардовских из родного хутора Загорье в 1931 году: «Семья была вывезена на гиблое спецпоселение в Зауралье, на таёжную реку Лялю. Возврата в родные места так и не произошло...» (Твардовский И.Т. Родина и чужбина. — Смоленск, 1996. — С. 311). Но, говоря в стихотворении о самом тяжёлом времени ссылки и разлуки с родной и сыном, автор всё-таки вкладывает в уста матери светлое утешение и надежду: «Но была, пускай не пета, / Песня в памяти жива. / Были эти на край света / Завезённые слова...» И вновь слова песни знаменуют начало новой жизни.

Последний «переезд» и переправа «на ту сторону» — смерть, но и здесь звучит мотив возвращения домой, тяги к дому, потому что после каждой переправы звучит рефрен: «Перевозчик-водогребщик, / Парень молодой, / Перевези меня на ту сторону, / Сторону — домой...», и это «домой» относится и к смерти тоже как к переходу в другую жизнь — вечную.

Есть ещё один скрытый подтекст у этого стихотворения, биографический: в книге воспоминаний И.Твардовского «Родина и чужбина» рассказывается, что припев этой песни их мать действительно часто повторяла в ссылке, причём под «перевозчиком» подразумевался именно старший сын Александр. Если учитывать это свидетельство И.Твардовского, то всё стихотворение приобретает также оттенок вины сына, на которого возлагались надежды, оказавшиеся несбыточными. Вот откуда в стихотворении возникает мотив беспомощности автора перед лицом трудной, полной лишений и потрясений жизни.

В конечном итоге последнее стихотворение, посвящённое матери, у Твардовского само становится той песней, которая «в памяти жива» и в которой вечно жив образ матери — и собственной матери поэта, и обобщённый образ материнства: крестьянки, труженицы, женщины с трудной судьбой.

О КНИГЕ Г.Ю.ФИЛИППОВСКОГО «ДИНАМИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (СПБ.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2008. — 420 с.)

Книга доктора филологических наук, профессора Г.Ю.Филипповского продолжает и развивает исследования литературной поэтики древнерусского и классического периодов в истории русской литературы, нашедшие отражение в трудах Д.С.Лихачёва, который в своё время выступил рецензентом его дипломной работы ««Слово о полку Игореве» в оценке зарубежных славистов».

В центре внимания автора рецензируемой книги — органическая связь древнерусской литературы с классической русской литературой XIX века. Само двухчастное построение монографии не противопостав-

ляет её первую часть, написанную на материале литературы Древней Руси, второй части, посвящённой литературной поэтике А.С.Пушкина и Н.А.Некрасова. Скорее наоборот, поэтика древнерусской литературы представлена в книге как начальный этап и фундаментальная первооснова единого процесса формирования русской литературы, что явно переключается с пафосом известной книги Д.С.Лихачёва «Возникновение русской литературы».

Если говорить о значении книги Филипповского для школьного учителя русской словесности, то это в первую очередь каса-

ется материалов о «Слове о полку Игореве». Программное для школы произведение рассматривается здесь в контексте «Повести временных лет», которая также относится к числу изучаемых в школе текстов. Связь «Слова» и «Повести» впервые рассмотрена Г.Ю.Филипповским столь широко и углублённо. При этом автор стремится «идти» не от «Слова», а к «Слову» от «Повести временных лет», дошедшей до нас во многих надёжных древнерусских рукописях. Тем самым автор книги вслед за Д.С.Лихачёвым доказывает важное значение «Слова» как подлинного литературного текста.

Главы, посвящённые в книге литературной поэтике Пушкина, обращены к текстам, включённым в школьную программу — «Песнь о вещем Олеге», роман в стихах «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Борис Годунов», «Капитанская дочка». Но традиционные для школы произведения рассматриваются Г.Ю.Филипповским в новых и подчас неожиданных ракурсах. В книге предложена, например, оригинальная концепция поэтики романа в стихах «Евгений Онегин», связанная с ключевой в сюжетно-композиционном плане темой смены времён года, своеобразного противоборства зимнего и весенне-летнего природного циклов. Филипповский убедительно показывает также, как неуклонно нарастает в лирике и прозе Пушкина от лицейских лет до позднего творчества православно-христианская первооснова.

Уже давно в научной литературе делались попытки связать Некрасова с Пушкиным. К сожалению, до сих пор нет большой книги на эту тему. Монография Г.Ю.Филипповского делает значительный шаг в продуктивном для русской филологии направлении — Некрасов рассматривается здесь в органическом для него контексте творчества Пушкина, поскольку поэт Пушкина и Некрасова предстаёт в книге Филипповского как христианская литературная поэтика.

Что же объединяет литературу Руси XII века и поэзию Пушкина и Некрасова? «Во-пер-

вых, единое пространство русской литературы, переживавшей в XII в. своё становление, а в XIX в. свой едва ли не основной взлёт и расцвет. Во-вторых, тема истоков, поскольку XII в. в развитии русской литературы соотносится как раз с её истоками, реальным возникновением и первоначальным формированием, а в XIX в. некрасовская поэзия вслед за пушкинской базово тяготеет к теме истоков русского национального поэтического самосознания, углублённого, в частности, у Некрасова в народную почву. В-третьих, литература Руси XII в., средневеково-христианская по самой своей основе, не может не быть соотносима с важнейшей для поэзии и прозы классического XIX в. христианской темой, концептуальной проблематикой и поэтикой (Достоевский, Пушкин, Толстой, Лесков и т.д.). В-четвёртых, литературу Руси XII в. и поэзию Некрасова сближает особая текстовая функция и значимость женских образов. В-пятых, и в литературе Руси XII в., и в поэзии Некрасова христианская тема, как правило, переплетается с народно-культурной поэтической составляющей, причём данная связь и взаимодействие — одно из наиболее ярких и глубоких за всю многовековую историю русской литературной традиции» (с. 382).

По-новому, например, раскрывается в книге глубинное содержание хрестоматийного стихотворения Некрасова «В дороге». Г.Ю.Филипповский показывает явную одно-

сторонность принятой в некрасоведении социологической его трактовки. Как это ни парадоксально, замечает он, «но никому из исследователей “В дороге” почему-то не пришла в голову параллель с архетипическим библейским сюжетом грехопадения. Действительно, жалоба ямщика по архаичной примитивности сюжета и текста не может быть ничем иным, как “жалобой Адама”, встретившего Еву, вкусившую с дерева Познания. Речь идёт о сюжете величайшей трагедии человечества...» (с. 317).

Мотив возвращения блудного сына — один из древнейших в мировой литературе. «Для творчества Некрасова стихия поэтического первообраза — едва ли не основная. Мотив возвращения на родную землю, к родным могилам и храму предков положен в основу поэмы “Тишина”. Многие произведения Некрасова композиционно схожи: обрамляющим сюжетом выступает тема возвращения лирического героя...» (с. 344) или тема странствия по просторам России.

Православная специфика русской средневековой литературы и вместе с тем всей русской классической литературы подчёркнута в последней, завершающей книгу Г.Ю.Филипповского главе «Мотив покаяния в древнерусской литературе XI—XIII вв. и в поэзии А.С.Пушкина и Н.А.Некрасова».

Ю.В.Лебедев

ИОНИН Г.Н., ВЛАЩЕНКО В.И. УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫПУСКНОМ КЛАССЕ: ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЯ (СПБ.: ПРОСВЕЩЕНИЕ, 2009. — 160 с. СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКА УЧИТЕЛЯ»)

Эта книга петербургских методистов адресована прежде всего современному, творчески работающему учителю-исследователю, способному в диалоге со своими учениками создавать новые, лично окрашенные интерпретации хрестоматийных произведений. Как убеждены авторы пособия, в современной школе очень важно воспринимать и изучать каждое произведение русской классики не как «литературный памятник», но как подлинное и живое явление искусства, в котором воплощена душевная и духовная жизнь автора и которое своими нравственно-духовными проблемами обращено к душе и сознанию каждого читателя.

В книге использованы три принципа подачи материала: информативность (краткий обзор существующих в критике и литературоведении трактовок изучаемого произведения), проблемность (конкретная и чёткая постановка главной проблемы) и концептуальность (в результате решения проблемы через анализ текста выход к ясной по форме изложения и глубокой по содержанию современной интерпретации художественного произведения).

Кроме того, в некоторых разделах (в главах о Гоголе, Тютчеве, Фете и Маяковском, написанных Г.Н.Иониным) предложена ме-

тодика включения школьников в учебную литературную деятельность: даны примеры разборов текста, вопросы и задания, нацеливающие на творческое перечитывание произведений, на подготовку к устному ответу, а также советы, связанные с самостоятельной письменной работой, — примерные темы, рекомендации жанра, в котором сочинение может быть написано, и конкретные практические консультации каждой из предложенных тем.

Авторы книги выбрали несколько тем, наиболее трудных для школьников и требующих от учителя особого мастерства. Готовясь к экзаменам, нужно повторить то, что было изучено ещё в IX классе. В книге преобладает лирика как наиболее трудный для осмысления в школе род литературы.

В первой главе предельно кратко представлен обзор уже имеющихся интерпретаций пьесы А.С.Грибоедова в русской критике и литературоведении, выделены основные трактовки образов главных героев комедии, предложена новая интерпретация сна Софьи (вещего, а не выдуманного), отмечена особая роль рифмы в понимании идейного смысла стихотворной драмы, что до сих пор исследователями «Горя от ума» практически не учитывалось.

Во второй главе, кроме кратко изложенной общей концепции поэзии Пушкина, предлагаются новые интерпретации трёх стихотворений — «К Чаадаеву» (1818—1820), «Узник» (1822), «И.И.Пушину» (1826), в которых органично соединяются две ключевые темы лирики Пушкина — свободы и дружбы. Эти стихотворения трактуются как диалог-спор поэта с «первым» русским философом XIX века П.Я.Чаадаевым, «первым декабристом» В.Ф.Раевским, «первым другом» И.И.Пушкиным, как отражение душевной и духовной жизни поэта трёх эпох его жизни — юности, молодости, зрелости.

Новая трактовка «Фаталиста» излагается в главе о романе Лермонтова «Герой нашего времени»; сделана попытка объяснить эксперимент Вулича, предсказание Печорина и неожиданную смерть «фаталиста», а также ответить на вопрос, почему именно этой повестью заканчивается всё произведение. В основе интерпретации «Фаталиста» лежит предположение о том, что Вулич является одним из двойников Печорина. Трагические судьбы печоринских двойников — Грушницкого и Вулича — можно рассматривать как варианты судьбы главного героя.

В главе о поэзии Есенина, помимо основных задач (изложение концепции его